

Полковник Гуров

Николай Леонов

Красная карточка

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Красная карточка / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Красная карточка

Глава 1

«...Итак, дорогие телезрители, мы с вами уходим сейчас на перерыв, но уже через пятнадцать минут продолжим следить за этим интереснейшим матчем, результат которого так важен для обеих команд. Наверное, тренеры внесут сейчас какие-то коррективы в игру, наверное, последуют какие-то изменения в составе. Это в большей степени касается игры «Лития», защита которого испытывает значительные трудности. Как мы с вами видели, быстрый правый край «Авангарда» просто затерзал оборону «Лития». Гол, как говорится, назревает, и, чтобы решить эту проблему, наставнику «Лития» придется, скорее всего, выпустить на поле Жмыхова. Правда, насколько мне известно, тот не вполне еще оправился от травмы, и к тому же в его активе имеется желтая карточка, а впереди ответственный матч с «Локомотивом»... Не знаю, наверное, в такой ситуации приходится рисковать. Как мы с вами видим, молодой защитник «Лития» Паницкий не справляется со своим подопечным. Но последнее слово, конечно, за тренером. Впрочем, совсем скоро мы с вами все узнаем. Перерыв пролетит быстро. Сейчас мы уйдем на небольшую рекламу, а потом еще раз посмотрим самые интересные моменты матча... Не переключайтесь. Ваш комментатор Илья Соловьев...»

Телекамерахватила крупным планом черное табло стадиона, на котором красовались два огненных нуля, а потом скользнула вниз – туда, где через бетонный коридор в подтрибунные помещения удалялись футболисты в пропотевших, перемазанных грязью футболках, с мокрыми лицами и спутанными волосами.

Первый тайм дался игрокам нелегко. Это было видно по их тяжелой поступи, по опущенным головам, по незрячим глазам, в которых застыла усталость. Они прошли, не замечая гудящего стадиона, и скрылись в своих раздевалках. Туда же отправились и тренеры – высокий, стройный, одетый в элегантный светлый костюм Татарников, удачливый наставник «Авангарда», во всех случаях сохраняющий абсолютную невозмутимость, и коротышка Нилов из «Лития», толстый, неряшливо одетый, зато переполненный эмоциями.

Он влетел в раздевалку со сжатыми кулаками и, затормозив посреди помещения, горящими глазами прошелся по лицам своих игроков, которые, распластавшись в креслах, приходили в себя. Полузащитник Харитонов лежал на кушетке, и массажист команды с озабоченным видом разминал его бедренные мышцы. На лице Харитонова застыла гримаса боли. В первую минуту казалось, что у тренера просто руки чешутся набить кому-нибудь из игроков морду и он вот-вот бросится в драку. Но ничего подобного не произошло.

– Сдохли? – язвительно спросил Нилов. – Впереди еще полматча, а они уже сдохли!.. Хорошенькое дело! А кто вчера клялся – порвем, Нилыч?! Где же ваше «порвем»? Пляшете по полю, как кордебалет Большого театра!.. Штрафная площадка – проходной двор! – Он пристально всмотрелся в угрюмые потные лица. – Ну, Вася сегодня молодец, к нему никаких претензий. Вася – просто супер! Две плюхи вытащил просто мертвые. Тебе за это, Вася, низкий поклон...

Вася, вратарь, выглядевший посвежее остальных, только пожал плечами, а Нилов между тем перечислял дальше:

– Ну, Сеня свой край худо-бедно держит, а вот центр и слева – просто дерьмо! Я тебе, Кузнецов, что велел? Страхуй Паницкого! Он второй раз в официальной встрече участвует. Естественно, мандраж...

Защитник Паницкий, девятнадцатилетний парнишка с русой челкой, густо покраснел и отвел глаза в сторону. На него, впрочем, никто не смотрел – даже Нилов. Тренер смотрел на центрального защитника Кузнецова, плотного, коротко стриженного парня с капитанской повязкой на рукаве.

– Послушай, Нилыч, я и так на части рвусь! – с упреком ответил он. – Ты видел, что у них Штерн по центру вытворяет? Все подачи его!

– Потому и его, что у них правый край, как у себя дома, ходит! – сердито затараторил Нилов, размахивая руками у самого носа Кузнецова. – Освобождается от крайнего защитника, подача, удар – вот такая схема. На грудного ребенка рассчитана. Только вы почему-то ее никак разгадать не можете!..

– Ну ты скажешь, Нилыч! – вдруг подал голос вратарь. – Ты так говоришь, как будто у них справа Вася Пупкин какой-нибудь! Там у них сам видишь, кто шустрит. Алонсо! Его чуть в «Барселону» не купили... А тем более он у нас первый сезон, играет в охотку. Дриблинг – чистый Марадона! А ты против него зеленого пацана поставил!.. Не хочу каркать, но во втором тайме он нам пару круглых точно привезет!.. Решать с ним надо, Нилыч!

Нилов посмотрел на него, грозно сдвинув брови, потом круто повернул голову так, что побагровела его короткая шея.

– Твою мать! – выразительно сказал он. – Где Жмых? Не вижу Жмыха. Влад, где он? Давай его сюда немедленно!

Влад Крапивин, второй тренер, все это время преданно стоял у него за спиной. Маленький, еще ниже ростом, чем Нилов, он был бы совершенно незаметен, если бы не исключительно злое выражение его узкого лица. Он занимал в команде должность второго тренера уже шестой сезон, пережив четверых главных тренеров и таща на своих плечах всю черную работу. При этом перспектив у него не было никаких, и Крапивин постепенно сделался отъявленным мизантропом. Игроков он считал по большей части рвачами и бездельниками, тренеров – бездарями, футбольное начальство – махинаторами. При этом он даже не пытался бунтовать, понимая, что другой работы ему уже не найти. Всю жизнь он крутился в футболе и больше ничего не умел делать. У него, кстати, было свое мнение и насчет Жмыха, но высказывать его Нилову он не стал, а быстро вышел из раздевалки и пошел искать защитника.

Впрочем, насчет Жмыхова сомневался не один Крапивин.

– Жмыха хочешь выпустить, Нилыч? – недоверчиво поинтересовался капитан. – Не рано? На него все злые с тех пор, как он Рожкова сломал. Во всех газетах его полоскали. Судья его персонально пасти будет. А у него и так уже карточка.

– Умный какой! – иронически фыркнул Нилов. – Карточка! У кого их нет? А что Рожкова сломал, так это игра. Бережешь ноги – играй в домино. А у меня другого выхода нет. Я же вижу, куда ваша инвалидская команда метит. Если Алонсо сейчас не прикрыть, они вам во втором тайме штуки три насуют. Впереди-то у нас никого нет...

– Ладно тебе, Нилыч! – обиделся нападающий Толик Веденко. – Пашешь тут как каторжный, а в ответ никакой благодарности!

– Запахался, болезный! – саркастически отозвался Нилов. – Ты хоть раз сегодня в штрафную вошел? Я имею в виду не свою, а чужую?

– А что я сделаю, если мне мячей не дают?

– Куда тебе давать, урод, когда ты от защиты оторваться не можешь? – сквозь зубы проговорил полузащитник Харитонов с массажного стола. – Мяча принять нормально не можешь! Все ему виноваты!

– Хорош собачиться, мужики! – рассудительно заметил вратарь. – Тут козе понятно – «Авангард» на голову нас выше. Тут ничего не сделаешь. По нулям бы сыграть – самое то было бы. Нилыч правильно думает. Жмыха выпускать надо. Кроме него, с Алонсо никто не справится.

Стукнула дверь. Вошел Крапивин, а впереди него – широкоплечий, со звероватым лицом загорелый парень в свеженькой форме – защитник Жмыхов. Привалившись плечом к дверному косяку, он независимо посмотрел на тренера.

– Звал, что ль, Нилыч?

– Шуруй разминаться! – рыкнул на него Нилов. – Видел, что у нас слева творится? Так вот чтобы я этого больше не видел. Как хочешь, а этого Алонсо сделай, понял? У них вся игра через него идет.

– А я тебе говорил – сразу меня ставь, – насмешливо сказал Жмыхов. – Нет, ты все эксперименты проводишь! Нашел время экспериментировать – на вылет идем!

– Не твоего ума дело! – прикрикнул Нилов. – Критикан! Марш разминаться! И на поле у меня чтобы сплошной фэйр-плэй был, понятно? Мне уже надоело про твои художества на пресс-конференциях рассказывать. Алонсо сломать нужно, но сломать по делу, а не так просто, в центре поля. Уяснил?

– Ладно, не учи ученого! – усмехнулся Жмыхов. – Пошел я.

Он ушел разминаться, а с началом второго тайма уже появился на поле в основном составе взамен Паницкого.

Его появление болельщики встретили свистом. Репутация костолома давно укрепились за ним, и Жмыхов к ней привык, а негодующим свистом с трибун даже гордился. «Свистят, значит, бояться, – самодовольно размышлял он, презрительно улыбаясь в сторону болельщиков. – Какому-нибудь сопляку свистеть не станут. Вышел он, ушел – никакой разницы. А тут шутки в сторону».

Игра началась. Зрители ждали, что «Авангард» с ходу разовьет успех первого тайма, но авангардовцы не спешили. Они будто присматривались к тому, что теперь творится в стане противника. Одну-две робкие попытки пройти по правому краю Жмыхов пресек без особого труда и даже умудрившись при этом не нарушить правила. Алонсо тоже присматривался и берег ноги.

«Тут уж одно из двух, – злорадно подумал Жмыхов. – Если ты, нерусь, звезда футбола, то не бойся за свои копыта и при вперед, а если боишься, то сиди сзади и молчи в тряпочку. Марадона за свои копыта не боялся, потому и стал Марадоной. А вас тут накупили, сосунков, за миллионы – у наших ребят хлеб отбиваете...»

Думал он так совершенно искренне, хотя в игре не щадил одинаково ни чужих, ни своих.

В один из моментов, когда мяч вышел за боковую, к Жмыхову на секунду подошел капитан «Авангарда», полузащитник Приходько, плотный, крепкий мужик с холодными серыми глазами, сказал вскользь:

– Слышь, пижон, остерегись свои штучки демонстрировать! Мы на медали идем. Сломаешь Алонсо – пеняй на себя!

Жмыхов сверху вниз посмотрел на него, оттер в сторону плечом. Вместе они побежали к центру поля – «Литий» пытался организовать одну из редких атак.

– Не учи ученого! – сказал сквозь зубы Жмыхов свое любимое. – Медалист! Яйца береги лучше!

– Я предупредил! – с угрозой сказал Приходько и прибавил шагу.

Мяч вышел за линию ворот. Вся команда «Лития» с понурыми мокрыми лицами откатывалась назад.

– Что он тебе сказал? – придиричиво спросил Кузнецов, когда Жмыхов вернулся в свою штрафную.

– Что он мог сказать? – зло огрызнулся Жмыхов. – Понтарь дешевый!.. Держи зону! Сейчас я их научу родину любить!

Он угрожающе выпятил нижнюю челюсть и побежал налево, к бровке, интуитивно угадав, куда последует пас. Мяч еще вертелся в центральном круге, где полузащитники «Лития»

безрезультатно пытались задавить соперника прессингом. Однако в их действиях не было согласованности, и вскоре Приходько, освободившись от опекуна, сместился вправо, быстро и зорко огляделся по сторонам и почти незаметным движением послал мяч по крутой дуге прямо за спину Жмыхова, куда уже в яростном рывке устремился красавчик Алонсо. Он летел по самой бровке, его черные кудри развевались. Стадион заревел.

Стартовая скорость у аргентинца была на зависть. Достаточно было хорошего паса, чтобы он легко мог уйти от любого защитника. А сейчас пас был хороший.

Жмыхов находился рядом, но все равно опоздал. Алонсо вихрем уже промчался мимо него, и остановить его можно было только одним способом. Жмыхов зацепил его голень, предварительно упав на траву, чтобы имитировать подкат. До мяча ему было никак не дотянуться, но он Жмыхова сейчас и не интересовал.

Алонсо споткнулся о его ногу, потерял равновесие и с удивленным выражением на лице полетел вниз, раскинув руки. Стадион взорвался. Заверещал свисток.

Судья и Приходько подскочили к Жмыхову одновременно. Приходько сразу попер грудью, тесня Жмыхова к бровке, словно намеревался самостоятельно удалить его с поля. Жмыхов только ухмыльнулся. Приходько был килограммов на пятнадцать легче и мог пыжиться сколько угодно. На самом деле он, конечно, просто провоцировал Жмыхова на откровенный удар, на драку, но Жмыхов тоже был не лыком шит – об этом-то Приходько должен был знать. Жмыхов просто тоже пихнул его грудью, отбросив на полметра. Лицо капитана соперников побледнело от ненависти, но тут судья врезался между ними и железной рукой развел обоих в разные стороны. Он был решителен и габаритен, этот судья, и столкновений не боялся. Конфликт погас в самом зародыше. Жмыхов еще раз ухмыльнулся и потрусил в свою штрафную площадку. Он был доволен – судья даже устного замечания ему не сделал, так что все было в полном порядке. Жмыхов посмотрел в сторону скамейки запасных – кажется, Нилыч был доволен.

Подали штрафной. Мяч завис над одиннадцатиметровой отметкой, но здесь не сплеховал Кузнецов – выбил его головой к центральному кругу, разрядив обстановку. На некоторое время игра завязла в центре поля. Полузащитники «Лития» осмелели, почувствовав, что за спиной у них стоит скала по фамилии Жмыхов. Толку от этого было немного – атаки до чужой штрафной все равно не докатывались, но Жмыхова это нисколько не волновало – за это пускай тренер переживает, а у него есть собственное задание, все прочее его не колышет. Большой спорт вещь жестокая – победы забываются и поражения забываются, но все смотрят, на какой ты тачке приехал и в каком районе у тебя квартира, и соответственно к тебе относятся. Мало ли чемпионов пропили свои золотые медали в дешевых кабаках? Пусть беснуются на трибунах болельщики, крушат стулья, кричат «Давай-давай!» – Жмыхов спокойно делает свое дело, зарабатывает себе на тихую старость.

Постепенно игра опять перекатилась на половину поля «Лития». Алонсо осмелел, пер по бровке как заведенный. К счастью, подачи у него перестали получаться, но это такое дело, не угадаешь: один точный навес, удар головой – и гол. И глазом не успеешь моргнуть. Жмыхов видел, что Нилыч опять прыгает по технической зоне, как обезьяна по клетке, волнуется и шлет проклятья на головы своих защитников. Не хочет, старый прохвост, вылетать в низшую лигу. Его можно понять. Внизу и навар пожиже, и слава потише. А вылетать, скорее всего, придется, и пора, наверное, подыскивать себе команду поприличнее. Контракт с «Литием» заканчивается, и он ничем больше не связан. Может даже закинуть удочку в тот же «Авангард». В самом деле, им надежные защитники тоже нужны. И будет у него капитаном Приходько. Сплошной юмор.

Пока Жмыхов следил за своим краем, кто-то из «Авангарда» потревожил вратаря Васю дальним ударом. Приложился плотно – Вася едва сумел перевести мяч на угловой. К флажку

побежал Приходько. В штрафной «Лития» собрались, кажется, все – толчея была, как в метро в час пик. Таким моментом грех было не воспользоваться.

Жмыхов не отходил от Алонсо, просто приклеился к его плечу и волокся за ним – шаг вправо, шаг влево – не давал свободы. Чудак-аргентинец пытался пихаться, но против Жмыхова он был слабоват. Вся штука была в том, чтобы в момент подачи не отвлекаться на мяч. Пусть о мяче беспокоится нападающий, пусть потеряет бдительность, и тогда свое слово скажет Жмыхов.

Приходько подал. Мяч пошел по крутой дуге, завис над вратарской. Как и ожидал Жмыхов, Алонсо в самозабвении попытался оттолкнуться от земли, чтобы в высоком прыжке подцепить опускающийся мяч на свою лохматую башку. В ту же точку шатнулось еще не меньше четырех человек, и Жмыхов, воспользовавшись суматохой, успел придавить подъем Алонсо шипами. Аргентинец упал лицом вниз, под ноги игроков, и принялся корчиться от боли.

Мяч выбили из штрафной. Следом хлынула и вся толпа, скопившаяся в штрафной площадке. Кто-то из «Авангарда» подхватил мяч, но подать не успел. Судья свистнул и трусцой помчался к воротам «Лития». Алонсо все еще корчился как червяк на траве, хватаясь за придавленный подъем.

Жмыхов понял, что судья не видел момента и штрафного, скорее всего, не будет. Он с равнодушным видом отошел в сторонку, наблюдая, как несутся от бровки крепкие ребята с носилками, а следом за ними катится, точно колобок, круглый розовый доктор «Авангарда».

Пока они облизывали аргентинца, к Жмыхову снова подскочил Приходько – с ходу пихнул его обеими руками. Жмыхов даже не дрогнул и, злобно выругавшись, двинулся на капитана чужой команды. Тому на помощь бросились двое верзил-защитников. К Жмыхову присоединились Сеня и Харитонов. Мгновенно образовалась куча-мала, которую пришлось разнимать судье.

– Я тебе сказал, сука, – урою! – выкрикнул Приходько, вырываясь из объятий своего вратаря, который тоже был уже тут.

– Пасть закрой, петух гамбургский! – снисходительно бросил ему Жмыхов, которого придерживал за плечи Кузнецов.

Судья, как и в прошлый раз, вклинился между ними, грозно разведя руками. Но у Приходько уже сдали нервы.

– А ты когда судить начнешь, свисток паровозный?! – взъярился он на судью и тут же получил желтую карточку.

Ошеломленные игроки «Авангарда» попытались убедить судью, что наказывать нужно не их капитана, а совсем наоборот, но попытки их не увенчались успехом. Повернувшись к ним спиной, судья журавлиным шагом направился в штрафную, где несчастный Алонсо уже делал первые шаги, прихрамывая и отворачиваясь от лстиво заглядывающего в его глаза доктора. Посмеиваясь про себя, Жмыхов тоже повернулся и пошел к своим воротам. Сегодня все складывалось для него на редкость удачно. Нилыч наверняка будет доволен.

Алонсо остался на поле, но теперь он заметно прихрамывал и уже был не так быстр, как прежде. За двадцать минут до конца игра стала увядать. Дело шло к нулевой ничьей, которую так вожелел Нилов, а зрители на трибунах выражали свое недовольство оглушительным свистом.

Кажется, даже игроки «Авангарда» смирились с ничейным исходом. Заметно скис Приходько, бомбардир Штерн оттянулся назад и безуспешно пытался играть роль плеймейкера, что у него получалось неважно, Алонсо ходил по своему краю пешком.

Можно сказать, они убаюкали Жмыхова, и за пять минут до конца он прозевал быстрый рывок Алонсо по краю. Аргентинец подхватил мяч, ушел от двоих и, наращивая скорость, устремился по правому краю под рев воспрянувших трибун. Жмыхов оказался у него за спиной и даже не успел помешать аргентинцу подать мяч в штрафную. Он запоздало врезался Алонсо

сзади шипами в голеностоп – с такой силой, что нападающий вылетел на беговую дорожку, но тут же понял, что старался напрасно. Высоко выпрыгнувший Штерн вколотил мяч в сетку мимо распластавшегося в бесполезном броске вратаря. Судья победно махнул рукой и указал на центр. Трибуны ликовали.

Жмыхов не спешил подниматься. Он изобразил на лице гримасу невыносимой боли и вцепился в свою ногу. Краем глаза он видел бегущего в его сторону судью и человек пять игроков. Над Алонсо опять колдовали врачи. Встать самостоятельно он уже не мог.

Первым к Жмыхову подбежал Приходько и незаметно пнул его ногой по ребрам. Этого Жмыхов вынести уже не мог. Он мгновенно вскочил и кинулся в драку. Правда, его тут же оттеснили свои, да и судья вмешался, который, оказывается, отлично видел незаметный удар Приходько. За минуту до конца капитан «Авангарда» получил красную карточку и был изгнан с поля, откуда ушел с гордо поднятой головой. Но и Жмыхов получил свое. За грубый фол против Алонсо он получил «горчичник», но это его мало расстроило. Сейчас это уже не имело никакого значения. После сегодняшнего поражения шансы остаться в «вышке» становились призрачными. Нилыч уже не метался по беговой дорожке, а неподвижно сидел на скамейке. Физиономия его была мрачнее осенней тучи.

Алонсо все-таки унесли на носилках. После финального свистка Жмыхов уходил с поля под злобный свист трибун. Ему было наплевать. Он предвидел неприятный разговор с тренером, и вот это расстраивало его по-настоящему.

Однако после матча Ниллов даже не заглянул к игрокам. Сказали, что он тут же уехал – вроде бы объясняться с руководством клуба насчет грядущих перспектив. Объяснялся с командой сердитый и немногословный Крапивин. Впрочем, сегодня он был даже сдержаннее обычного и только в двух словах выругал нападающих, которые не давили на штрафную соперников и таким образом развязали им руки. Похоже, второй тренер и сам уже смирился с неизбежным крахом. И о чем тут было говорить? Так что, можно считать, все закончилось спокойно.

Правда, случились еще два происшествия, непосредственно касавшиеся Жмыхова. Сначала в раздевалку «Лития» попытался прорваться неугомонный Приходько с двумя товарищами, но его быстро увели остальные игроки «Авангарда», которые после победы были настроены благодушно и не хотели скандала.

Второе происшествие вообще показалось Жмыхову дурацкой шуткой. Когда он после душа, свежий, переодетый в модный костюм, вышел с территории стадиона на автомобильную стоянку, к нему вдруг подошел незнакомый парнишка лет десяти и, волнуясь, спросил: «Вы – защитник Жмыхов?»

– Ну я, – снисходительно ухмыльнулся Жмыхов.

Он гордился тем, что его узнавали в лицо. Иногда у него даже автографы брали. Пацану, видно, тоже понадобилась его подпись – он протягивал Жмыхову лист бумаги. Однако тут же выяснилось, что мальчишка не интересуется автографами, а принес Жмыхову письмо.

Озадаченный Жмыхов повертел в руках белый, гладкий, без единой строчки конверт и хмуро буркнул:

– От кого письмо-то?

– Не знаю, – пожал плечами пацан. – Дяденька просил передать. Он ушел уже.

– Лучше бы это была тетенька, – проворчал Жмыхов, вскрывая конверт. – С пятым номером... Слышь, пацан, ты в следующий раз мне от дяденек малявы не носи...

Он оглянулся – мальчишки уже не было. А в конверте обнаружилась красная пластиковая карточка, вроде тех, что предъявляют футбольные судьи, когда удаляют игрока с поля, и короткая записка, отпечатанная на принтере: «Вы удалены с поля окончательно и бесповоротно. Решение обжалованию не подлежит. Верховный судья».

– Дерьмо! – сказал Жмыхов, засовывая глупую записку обратно в конверт и швыряя на асфальт.

Однако настроение у него почему-то упало. В раздражении он уселся за руль своего «Вольво» и поехал сразу домой, а не в любимый ресторан, где собирался поужинать.

В своей холостяцкой квартире на шоссе Энтузиастов он выпил на ночь водки, посмотрел какую-то чепуху по телевизору и лег спать. Телефоны все отключил – не хотелось никого ни видеть, ни слышать.

Утром все изменилось. Он вышел из дома свежий и полный сил, ни о чем не сожалеющий. День обещал быть прекрасным. На голубом небе до самого горизонта не просматривалось ни одного облачка.

Жмыхов сел в машину, которую оставил прямо у дома, завел мотор, выжал сцепление, посмотрел направо и налево, поставил ногу на педаль газа, и в этот момент под педалью рванул искусно установленный там пиропатрон, начиненный металлическим мусором. Правая ступня Жмыхова мгновенно превратилась в окровавленные лохмотья, а он от невыносимой боли потерял сознание.

Глава 2

Спортивная база клуба «Литий» была обнесена металлической сетчатой оградой, сквозь которую просматривался угол зеленого футбольного поля и мечущиеся по нему фигурки игроков в желтых футболках. Полковник Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам, объехал территорию базы кругом и остановил свой «Пежо» напротив ворот, над которыми висели жизнерадостные спортивные лозунги и рекламные щиты, на них яркими красками были изображены кроссовки и почему-то жевательная резинка удивительной морозной свежести.

Спутник и напарник Гурова полковник Крячко озадаченно приподнял бровь и вопросительно уставился на товарища.

– И куда это ты меня привез? – спросил он. – С каких это пор ты вдруг заинтересовался футболом?

– Ага, значит, ты в курсе, что это футбольное хозяйство? – обрадовался Гуров. – Я на это и рассчитывал. Сам я в этом действительно... Ну, в общем, это не моя грядка. Так что мне очень пригодится такой эксперт, как ты.

– Какой я эксперт? Обыкновенный болельщик, – скромно ответил Крячко, польщенный, однако, такой характеристикой. – А это база «Лития». Дерьмо команда. Навылет идет.

– Видишь, как здорово ты в этом разбираешься! – восхитился Гуров. – С таким помощником не пропадешь! Хотя, по правде сказать, нас интересуют не планы этой команды, а ее, как бы это сказать, история. Хотя и недавняя.

– А-а! Постой-постой! – оживился Крячко. – Кажется, я твой намек понял. С этим «Литием» на днях в криминальных новостях носились. Кого-то у них взорвали вроде? Неужели это дело на нас повесили?

– Повесили, Стас! – вздохнул Гуров. – Именно повесили. Как гирию. Я отбрыкивался как мог, но обстоятельства были против нас.

Под обстоятельствами Гуров имел в виду лощеного господина средних лет, на правой руке которого болтался «Ролекс» на ремешке из крокодиловой кожи. Этого благополучного господина Гуров обнаружил утром в кабинете генерала Орлова, куда был вызван самим генералом в обход секретаря, что с самого начала указывало на особое доверительное отношение. Генерал представил Арсения Петровича (так звали господина) как чиновника из правительства Москвы, курирующего спортивные игры, но в то же время намекнул, что тот же самый Арсений Петрович имеет очень прямое отношение к силовым структурам, то есть является практически коллегой.

– Знаю, что ты футболом не увлекаешься, – сказал при этом генерал, – но твой Крячко, я припоминаю, вроде болельщик. В случае чего, он тебе объяснит разницу между офсайдом и инсайдом. А вообще речь идет о безобразном покушении на футболиста. Арсений Петрович вот объяснит, что к чему...

«Коллега» был очень любезен и безо всякого высокомерия обменялся с Гуровым крепким рукопожатием. Речь его также была лишена какого-либо изыска. Он выражался просто и энергично, можно сказать, по-народному.

– Значит, так, полковник! Тут на днях одного из лучших наших защитников в собственном автомобиле взорвали. Грохнули, можно сказать. То есть он живой, слава богу, но в профессиональном плане все равно что мертвый. И вообще инвалид теперь человек. Ногу ему разворотило, а без ноги футболист – это все равно что песня без музыки, сам понимаешь. Нужно найти этих негодяев и наказать.

– Чтобы другим неповадно было, – вставил генерал.

– Точно, – кивнул Арсений Петрович. – Ведь этого Жмыхова планировали в «Динамо» покупать – соображаешь? Практически нанесен удар по правоохранительным органам. Да что там! Бери выше! Он ведь в сборную призывался, Жмыхов-то. Значит, задеты интересы государства, улавливаешь?.. Практически террористический акт получается!

– Вообще-то, терроризм – это не по нашей части, – сказал на это Гуров. – Тут бы службу безопасности. На федеральном уровне...

– Ну-ну, не надо преувеличивать! – снисходительно сказал Арсений Петрович. – Насчет терроризма я это так... образно сказал. Чтобы была ясна степень ответственности. А так это или обычная бытовуха, или разборки какие-то денежные. Ну что тебе сказать, деньги в этой сфере крутятся бешеные – контроль практически отсутствует, вот и возникают нежелательные эксцессы... Перетрясать это хозяйство будем, конечно, однако это процесс основательный, займет месяцы, а то и годы. Но игроков уродовать – это ни в какие ворота не лезет. У нас и так половина чемпионата – зарубежные гости. Своих футболистов скоро в Книгу Гиннесса заносить можно будет, а мы им тут ноги отстригать будем! Этот цинизм прекращать надо немедленно. Так что, полковник, ты разберись во всем этом и через неделю... ну, ладно, через десять дней доложи выводы.

– Лев Иванович справится, – убежденно заявил генерал. – Еще не было такого случая, чтобы он не справился. Найдем сукиных сынов, Арсений Петрович, не беспокойся!..

– Да как же – не беспокойся! – покрутил головой гость. – Я сам болельщик. Да и по должности положено... Душа у меня болит за футбол! Но тут и другой вопрос. Спонсоры у «Лития» – уважаемые бизнесмены. В того же Жмыхова немалые деньги вложены были. Что же теперь, все коту под хвост? А если завтра какому-нибудь варягу ногу оторвут? Это уже международный конфликт!

Гуров хотел заметить, что международные конфликты тоже не по его части, но все-таки промолчал и только тщательно записал все в записную книжечку – паспортные данные футболиста Жмыхова, адрес футбольной базы, адрес больницы, где Жмыхов теперь лечился, и прочую информацию.

– В прокуратуру загляни! – напомнил на прощание генерал. – Это дело следователь Забродин ведет. Он уже в курсе, что вы с Крячко влиты в его группу. Все главные улики у него.

Гуров в прокуратуру заглянул и убедился, что улик не очень-то много. Свидетелей преступления практически не было. Судя по всему, даже точного времени взрыва никто не знал. Раненого, окровавленного Жмыхова подобрали с тротуара прохожие, когда он сумел выбраться из машины. Взрывное устройство, размещенное в его машине, как показала экспертиза, было небольшой мощности, но исключительно целесообразно устроенное – вся сила взрыва была направлена на ступню человека, нажимающего на педаль. Результат в любом случае был предопределен заранее – после взрыва человек становился инвалидом. Однако точное происхождение пиропатрона определить было непросто – использовалось самодельное устройство из стальной трубки, которое можно было изготовить в любом гараже за пару часов. Начинен он был обычным порохом, достать его не составляло никакого труда. Так что в этом плане никакого оптимизма у следствия не было. Забродин посоветовал Гурову проверить все личные связи Жмыхова. Он был убежден, что мотивы преступления находятся в прямой связи с личными обстоятельствами футболиста.

– Мы тут ребят из его команды допросили, тренеров, – объяснил Забродин. – С криминалитетом Жмыхов вроде знакомств не водил. А вот насчет женского пола был неводержан. Причем в отношении женщин вел себя цинично, потребительски, так сказать. Мог и семью разрушить. Вполне на этой почве могло что-то разыграться.

– Куда проще у него самого спросить, – заметил на это Гуров. – Как правило, люди, которых взрывают, хотя бы догадываются, за что их взрывают. Это не с балкона плюнуть.

– Так-то оно так, – согласился Забродин, – но Жмыхов пока на контакт не идет. Депрессия у него. Ногу-то ему доктора отхватили по самое колено. Он это как увидел, так и ушел в себя. Пока вообще ни слова никому не сказал. Так что ищи пока где-то рядом. Время терять ни к чему.

Гуров решил начать с очевидного – познакомиться с командой «Лития», где последние два года играл Жмыхов. Крячко в свои планы заранее посвящать не стал, надеясь, что тот все уяснит по ходу дела. А про Арсения Петровича распространяться не стал вообще, зная, с какой неприязнью относится его друг к «особым заданиям», контроль за которыми осуществляли люди, к сыску непричастные.

Пройти на территорию базы оказалось совсем не просто. У ворот их встретили дюжие мужики-охранники и довольно грубо потребовали пропуск.

– Может, это вас устроит? – преувеличенно любезно осведомился Гуров, демонстрируя свои красные «корочки». – Или тут режим, как на военной базе, и нужна подпись министра обороны?

Просмотрев удостоверение, охранники сбавили тон, но с обидой объяснили:

– Нам что сказали, то мы и требуем. Тут уже вон футболистов гробить начали. Категорически не имеем права пускать на объект посторонних. Но раз вы из милиции, то проходите.

– Нам бы с тренером поговорить для начала, – сказал Гуров. – Где его найти?

– Значит, Нилыча вы не найдете, – деловито объяснил охранник. – Он куда-то по делам отъехал. А у команды двусторонняя игра – Крапивин ее проводит, второй тренер, значит. Вот туда идите – там у нас тренировочное поле. Все там сейчас.

Гуров и Крячко пошли в указанном направлении и скоро оказались на краю зеленой поляны, которую они видели сквозь заграждение, проезжая мимо базы. По полю без особого азарта бегали игроки в одинаковой желтой форме. Чтобы как-то различать соперников, половина была наряжена в некое подобие нагрудников синего цвета. Слышались глухие удары по мячу. В качестве судьи среди игроков крутился невысокий худой мужчина лет сорока в тренировочном костюме. Иногда он свистел в свисток и выговаривал что-то игрокам сердитым надорванным голосом.

Гуров и Крячко немного понаблюдали за игрой.

– Вяловато как-то, – заключил в конце концов Гуров. – Теперь я охотно верю, что эта команда готовится навывлет.

– Тут и верить не надо, – снисходительно заметил Крячко. – Любой школьник в Москве знает, что «Литий» – полный отстой.

Судья в тренировочном костюме, который наверняка и был тренером Крапивиныным, будто услышал эти слова. Он все чаще стал поглядывать на двух незнакомцев, с независимым видом стоящих у бровки, и наконец занервничал и дунул в свисток.

– На сегодня закончили! – крикнул он. – Ты, Кузнецов, зайди потом ко мне, ладно? Остальные свободны!.. Завтра сбор ровно в восемь. Кто опоздает – будет с Нилычем объясняться, не со мной...

Говоря с игроками, он постепенно смещался к тому месту, где стояли оперативники, и наконец, как бы невзначай, столкнулся с ними.

– Что такое?! – спросил он раздраженно, взглядывая на высокого Гурова снизу вверх. – Кто пустил? Почему посторонние на поле? Что вы здесь делаете?

– Наблюдаем за игрой мастеров кожаной сферы, – с невинным видом сказал Крячко. – Любопытно же, как куются победы.

Тренер метнул в его сторону злующий взгляд и уже тоном приказа бросил:

– Вон отсюда! Еще он подкалывать будет!.. Пока я охрану не вызвал!

– Вообще-то, с вашей охраной мы уже познакомились, – пытаюсь повернуть разговор в мирное русло, сказал Гуров. – Она нас сюда и впустила. Должен сказать, что поступили охран-

ники в данном случае весьма разумно. Мы с коллегой из милиции. Вот документы. А вы, надеюсь, тренер Крапивин?

На удостоверение сотрудника МВД Крапивин посмотрел так, будто ему принесли внушительный счет за электричество, которого он не жег.

– Ладно! – буркнул он упрямо. – На вас не написано. У всех и так нервы на пределе.

– Это ясно! – ухмыльнулся Крячко. – Тут достаточно на турнирную таблицу взглянуть – и можно пить валерьянку.

Лицо Крапивина перекосила гримаса ненависти, но он сдержался.

– Все первыми быть не могут, – сказал он. – Ребята отдают все силы, но сезон выдался тяжелый. Между прочим, никто не заставляет вас болеть за «Литий». Впрочем, вы же, наверное, за «Динамо» болеете, – криво ухмыльнулся он. – Тоже не подарок!

– Это точно, – сказал Крячко. – Считайте, что мы с вами квиты.

– Вы не обращайте внимания на моего товарища, – добавил Гуров. – Он любит пошутить. К сожалению, не всегда получается. Мы вообще-то к вам по серьезному делу.

– Я понял, – хмуро сказал Крапивин. – Про Жмыхова спрашивать будете? Только мы вашим уже все рассказали. По два раза. И сюда приходили, и нас всех к следователю таскали. Еще-то раз зачем?

– Ум хорошо, а два лучше, – сказал Гуров. – Может, вы еще что-нибудь вспомните. Жмыхов как себя вел в последнее время? Был угнетен, сторонился людей? Или, наоборот, жаловался на какие-нибудь неприятности?

– А какие у него могли быть неприятности? – удивился Крапивин. – Между нами говоря, у таких людей, как Жмыхов, неприятностей не бывает. Это у других с ним неприятности. А у него шкура как у носорога.

– Вот как? Значит, у Жмыхова могли быть враги?

– А у кого их нет? Ясное дело, могли. Конечно, бомбу в машину подкладывать – это уж крайность, но не любили его многие.

– Чем же он так насолил людям? – поинтересовался Крячко.

– Ну, мало ли? – развел руками Крапивин. – Я вообще сплетни не люблю. Может, вы у него самого спросите?

– Он пока не идет на контакт, – кратко объяснил Гуров. – А нам преступника по свежим следам ловить надо.

– Я понимаю, но я в личную жизнь игроков не лезу, – сказал Крапивин. – Ты хоть что делай, а мне важно, чтобы ты на тренировке пахал и на поле выкладывался.

– Ну а на поле? – тут же подхватил Крячко. – Он же грубиян, ваш Жмыхов. Сколько у него желтых карточек в этом сезоне?

Крапивин посмотрел на него сумрачным взглядом, недовольно засопел.

– Жмыхов – жесткий защитник, – заявил он. – В современном футболе без жесткости нельзя. Ну а грань между фолом и жесткой игрой зыбкая, как вы понимаете...

– И все-таки, сколько он «горчичников» схлопотал? – не отставал Крячко. – Штук пять?

– Шесть, – сквозь зубы сказал тренер. – Или семь. Точно не помню. Какое это имеет отношение к делу?

– Кто знает? – сказал Гуров. – А вдруг кто-то из соперников решил таким образом расчитаться со Жмыховым за его грубость на поле?

– Ерунда! – отрезал Крапивин. – В каждом матче кого-нибудь ломают. Если все травмированные начнут бомбы подкладывать...

– Так мы не обо всех говорим, – возразил Гуров. – Мы о конкретном случае. Который, как говорится, имел место. Нужно рассмотреть все варианты. Может быть, в адрес Жмыхова поступали конкретные угрозы?

– Не знаю. Не слышал про такое, – буркнул Крапивин и оглянулся.

На поле еще оставался один игрок. Молодой светловолосый парнишка самозабвенно жонглировал мячом, позабыв, кажется, обо всем на свете, в то время как вся команда уже скрылась в подсобных помещениях базы.

– Эй, Паницкий! – крикнул тренер. – Бросай все и шагай сюда! Разговор к тебе имеется. Кудесник мяча, понимаешь...

Обернувшись к Гурову, Крапивин пояснил:

– Парнишка старательный. И желание есть, и азарт, и скорость вроде неплохая, а на поле выйдет – теряется... Он в тот день Жмыхова последним видел. Вот с ним и поговорите.

Паницкий подошел, вежливо поздоровался, преданным взглядом уставился на тренера.

– Ты Жмыхова после игры последним видел, – сказал Крапивин. – Вот и расскажи товарищам из милиции, чего там такое было.

– А-а... Да ничего особенного не было, – с облегчением сказал Паницкий, поправляя мокрую челку. – Жмыхов первый со стадиона ушел. А я как раз за ним вышел. Не специально – так получилось. Я на метро спешил, а он на стоянку пошел, в машину садиться...

– А он тебя подвезти не мог? – спросил Крячко. – Чисто по-товарищески. На своей машине-то что ему стоило?

– Не знаю, – растерялся парнишка. – Я про это и не думал. Я всегда сам...

– Не принято это у нас, – сдержанно вставил Крапивин. – Это, знаете, как если бы в армии первогодок у «деда» закурить попросил...

– Ага! Вот это нам понятно! – обрадовался Крячко. – Это хороший штрих к портрету Жмыхова. Жесткий не только с чужими, но и со своими.

– Обычная субординация, – с досадой сказал Крапивин. – Можно подумать, у вас по-другому. Молодой есть молодой. Хоть в футболе, хоть в милиции... Нынешние молодые, конечно, с гонором. Еще ничего не сделал, а уже машину ему подай, квартиру в центре...

Крапивин невольно увлекся, видимо, тема была для него достаточно болезненной. Лицо Паницкого выглядело смущенным. Выходило, будто это он требует себе квартиру в центре.

– Да нет, я ничего, – пробормотал он. – У меня все нормально...

– Ладно, давайте вернемся к тому моменту, как ты вышел следом за Жмыховым со стадиона, – решительно сказал Гуров. – Не заметил, волновался он? Может быть, по сторонам оглядывался или спешил как-то сильно?

– Да нет, он спокойный был, – ответил юноша. – Он всегда спокойный, уверенный в себе. Одевается всегда классно, тачка у него классная...

«Этот тоже увлекся, – подумал с неудовольствием Гуров, глядя в горящие глаза парня. – Тачка, квартира... У них в голове что-нибудь, кроме материального вопроса, имеется? Нет, неудивительно, что эта команда в самом низу таблицы».

– Я думал, футболисты только про футбол и думают, – вслух сказал он. – Финтам каким-нибудь завидуют, мастерству. Как это у вас называется – дриблинг?

– А Жмыхов и футболист классный, – спохватился Паницкий. – Его на поле никто обойти не может. Алонсо вот подергался-подергался и спекся. Унесли на носилках. У меня так не получается пока, – вздохнул он. – Но я стараюсь.

– Не сомневаюсь, – со странной интонацией произнес Гуров. – Так что там дальше было? Ты со Жмыховым не разговаривал в тот момент?

– Нет, я в стороне был. Только видел, как к нему какой-то пацан подошел. По виду третьеклассник. Вроде автограф попросил. Жмыхов сначала у него листок взял, хотел расписаться, а потом чего-то рассердился и выкинул эту бумажку. На асфальт бросил. А пацан этот ушел.

Гуров и Крячко переглянулись.

– Что-то я не пойму, – насторожился Гуров. – Это у вас тоже заведено – на поклонников сердиться? Надо же – у него автограф просят, а он нос воротит! Звездная болезнь, а?

Крапивин, которому этот случай тоже, видимо, не очень нравился, попробовал найти объяснение.

– По-разному бывает, – сказал он. – Бывает, подойдет такой поклонник автограф просить, а сам даже фамилии футболиста не знает. Конечно, ребятам обидно. А тут тем более матч проиграли...

– Нервы ни к черту, – подсказал Крячко. – Алонсо на носилках унесли, а все равно без толку. И все-таки некрасиво получается. Здоровый мужик пацана обидел. И сам обиделся. Просто институт благородных девиц какой-то...

– Да нет, мальчишка вроде даже и не обиделся, – наморщил лоб, вспоминая, Паницкий. – Я видел – он веселый побежал куда-то, а Жмыхов все еще стоял с листком бумаги в руке. А потом бросил его под ноги и пошел.

– Так, может, мальчишка ему записку передал, а не автограф просил? – подсказал Гуров. – Подумай!

Паницкий подумал.

– Может, и записку, – наконец сказал он. – Я еще удивился, потому что у наших ребят вообще редко автографы просят.

При этих словах он виновато оглянулся на тренера, но тот сделал абсолютно каменное лицо, будто ничего не слышал.

– Ладно, не хочу навязывать тебе свое мнение, – продолжил Гуров, – но если взглянуть на ситуацию в этом разрезе, то получается примерно следующее – к Жмыхову после матча подходит неизвестный мальчик, передает ему записку. Тот читает и сердится. Так сердится, что бросает записку на асфальт. Я сильно искажил факты?

– Да нет, похоже, так оно и было, – ответил Паницкий. – Я просто не врубился. А сейчас понял. Письмо ему вручили. Точно! На конверт здорово похоже было. Такой длинный белый конверт.

– Ага, – сказал Гуров. – Ну что же, будем иметь это в виду как одну из версий. А теперь вы мне ответьте как тренер, что во время матча случилось? Юноша говорит, что Жмыхов некоего Алонсо так приложил, что того пришлось унести с поля?

– Бывает, – неохотно ответил Крапивин. – Момент спорный. Я сам его не видел, ничего конкретного сказать не могу.

– А и не надо, – вмешался Крячко. – У вас рабочая запись матча должна иметься. Вот вы ее нам и дайте на время. Мы сами посмотрим.

– Без разрешения главного тренера не могу, – отрезал Крапивин. – Это закрытая информация.

– Запись матча? – изумился Крячко. – Да бросьте! Или вы боитесь, что мы будем смеяться?

– В самом деле, – поспешил сказать Гуров, видя, как начинает закипать Крапивин. – Дайте нам эту кассету. Мы сегодня же ее вернем. Перепишем и вернем. Или вы предпочитаете, чтобы вас по этому поводу вызвали еще раз в прокуратуру?

Крапивин мрачно посмотрел на него, махнул рукой и пошел в сторону ближайшего здания. Оперативники терпеливо зашагали вслед за ним, а уже за ними с выражением почтительного любопытства на лице потянулся молодой Паницкий.

Крапивин больше не стал валять дурака и придумывать отговорки. Он молча отыскал в каком-то шкафу кассету с записью матча и вручил ее Гурову. Казалось, он был готов дать ему еще и денег, лишь бы избавиться от докучливых гостей. Но Гурову и самому уже хотелось уйти. Мысль о записке, полученной Жмыховым после матча, не давала ему покоя. Он чувствовал, что эта история имеет самое непосредственное отношение к дальнейшим событиям, и начало ее лежит где-то за пределами владений клуба «Литий».

Глава 3

– Не стану скрывать, уважаемый Петр Иванович, вся эта история произвела на Григория Константиновича очень неприятное впечатление. Чтобы охарактеризовать его состояние после того, как он узнал о несчастье, то достаточно одного слова – он взбешен. Почему я об этом вам говорю? Просто хочется как-то помочь вам, дать, так сказать, толчок к размышлению. А думать надо быстро, потому что Григорий Константинович намеревался сам заскочить к вам, как только выдастся свободная минута. Вы его знаете, он захочет знать, какое решение приняло руководство клуба. Хотя, возможно, у вас уже есть решение?

Человек, произнесший эту тираду, манерно сцепил бледные пальцы и выжидательно уставился на Петра Ивановича Груздина, президента футбольного клуба «Литий», грузного мужчины лет сорока пяти с кучерявыми, уже седеющими волосами и потным красным лицом любителя пива. В прошлом он был неплохим футболистом, да и когда повесил бутсы на гвоздь, дела у него шли совсем неплохо – до тех пор, пока Груздин не связал свою судьбу с «Литием», командой, за которой постоянно тянулся шлейф всевозможных скандалов. Формально он возглавлял правление клуба, но всеми делами ворочали совсем другие люди, которые периодически менялись, перепродавали клуб со всеми потрохами и прокручивали через бухгалтерию фантастические и не вполне объяснимые суммы. Работать в таких обстоятельствах было все равно что сидеть на пороховой бочке. Правда, платили Груздину очень неплохо. За такие деньги можно было много чего выслушать, тем более что человек с бледными пальцами представлял здесь самого Григория Константиновича Козина, очень богатого человека, бизнесмена и фактически нынешнего хозяина клуба. Светиться в этом качестве Козин, однако, не желал, наградив себя негромкой должностишкой в правлении, но хозяйство держал железной рукой. Нельзя сказать, что его деятельность шла на пользу футболу, но конкретно футбол Козина не интересовал вообще. По-настоящему его интересовали только деньги. Он проворачивал комбинации с продажей игроков, с результатами матчей, с разнообразной недвижимостью, принадлежавшей клубу, с рекламодателями – и все у него получалось. Вот только футбольная команда опускалась в турнирной таблице все ниже и ниже. Так что деньги деньгами, а за клуб Груздину было обидно.

– Между прочим, Николай Петрович, вы и Григорий Константинович тоже входите в правление, – с некоторой обидой ответил Груздин. – И я полагал, что решение по данному вопросу будет приниматься коллегиально...

– А-а, не морочьте голову! – махнул рукой собеседник. – К чему эти словесные кружева? Я вам говорю конкретно – Григорий Константинович ждет решения от вас. Мы за вас думать не собираемся. Вам доверили поле деятельности – извольте нести ответственность. У вас в штате целая толпа бездельников, включая так называемую охрану. Кого они охраняют? Тренеры, администраторы, врачи, технический персонал... Кто-нибудь из них хоть за что-нибудь отвечает?

– Разумеется, у каждого есть свой круг обязанностей! – начал сердиться Груздин. – Это же не дворовая команда! Должен заметить, мы и так экономим на всем. Я не говорю уже о задержке выплат игрокам. За последний месяц никто из них не получил ни копейки!

– Это чепуха! – отрезал Николай Петрович. – Подумаешь, один месяц! Но, между прочим, в связи с последними событиями финансирование может и в самом деле затормозиться.

– Я не понимаю, при чем тут беда, случившаяся с одним игроком, и вся команда? – возмущенно сказал Груздин. – При чем тут финансирование?

– А при том!! – проревел внезапно сквозь приоткрытую дверь посторонний голос. – При том, что ты, дерьмо собачье, развел меня на бабки! На очень хорошие бабки! Ты и твой импотент Нилов! Вы вообще чем тут занимаетесь?!

В кабинет с шумом, криком и топотом ввалилась мощная фигура в серебристо-голубом костюме и полосатом галстуке, который развевался, как выпелл на ветру. За этой фигурой следовали еще три-четыре фигуры помельче, но Груздин даже не успел понять, кто это, потому что Григорий Константинович Козин (это был, разумеется, он) уже подлетел к нему вплотную и, ухватив за грудки, выдернул из кресла.

– Где команда? Где, я спрашиваю! – заорал он прямо в лицо Груздину. – В жопе команда! В таблицу давно заглядывал, президент хренов?! А где твой лучший защитник? Где?! Нет у тебя больше лучшего защитника!

Он швырнул ошарашенного Груздина обратно в кресло и разгневанно обернулся назад.

Вместе с ним в офис прибыли несколько человек из свиты – разумеется, охранник, флегматичный слоноподобный детина, казавшийся сутулым из-за обилия мышц на теле, агент Табачников, занимавшийся трансфертом игроков, сам похожий на вышедшего в тираж футболиста, жизнерадостный финдиректор «Лития» Саломатин и еще один человек, официально ни в каких кадровых списках не числившийся, но занимавшийся крайне ответственным делом – он решал щекотливые вопросы с футбольными арбитрами. Все, включая Козина, называли его Комиссаром, а настоящего имени, кажется, никто и не помнил.

Вся эта делегация явилась в офис правления неспроста – Груздин отлично понимал это. В сложившейся ситуации потеря лучшего защитника, да еще при столь трагических обстоятельствах, должна была крайне отрицательно сказаться на моральном духе команды, которого, по правде говоря, и так оставалось на доньшке. И еще в подобных ситуациях принято искать крайнего. Груздин понял, что крайним на этот раз выбран он. Снимать будут, решил он про себя. Общее собрание правления, поименное голосование? Какая чушь! Достаточно одного слова Козина, одного движения его пальца. Значит, нужно готовиться к большим переменам.

Однако гнев Козина улегся так же внезапно, как и начался. Он вдруг плюхнулся в кресло, резким движением развязал на шее галстук и, уставившись на скисшего Груздина, спросил с любопытством:

– А где этот твой debil, старший тренер? Я хочу его увидеть.

– Он должен вот-вот подъехать, – поспешно сказал Груздин. – Мы как раз собирались...

– Плевать, что вы там собирались! – отмахнулся Козин и сжал толстые волосатые пальцы в кулак. – Ни черта вы не можете! А я его все равно найду!

Наверное, на лице Груздина слишком явно отразилось недоумение, потому что Козин тут же нашел нужным дать разъяснения.

– А ты что думал – я так оставляю это дело? Я на этом Жмыхове должен был полтора «лимона» заработать! У меня, можно сказать, уже контракт в кармане лежал! Спроси хоть Табачникова, хоть Саломатина! Все на мази было! Мы его в Испанию собирались отправить. А теперь что я скажу испанским товарищам? Вот вам защитник, только извините, он у нас немного испортился, на одну ногу у него меньше стало, так, что ли?.. Нет, этот червяк, который ему под пятку гранату сунул, свое получит! Я – человек принципиальный. Мне не деньги важны, а принцип. Я за червонец глотку порву, не то что за полтора «лимона»!

«Охотно верю, – подумал Груздин. – Только где же ты возьмешь этого парня? До его глотки тебе не добраться. Это тебе не членов правления за шкирку таскать».

Будто отвечая на его мысли, Козин сказал, стукнув кулаком по краю стола:

– Значит, так! Кто-нибудь здесь знает, что такого наворочал этот доморощенный Беккенбауэр? За что его приложили? Долги, бабы, дорогу кому-нибудь перешел?..

Все присутствующие благоразумно промолчали.

– Я так и думал! – заключил Козин, глядя почему-то на одного Груздина. – Никто ни хрена не знает. За что я вам бабки плачу, непонятно?

Деликатный Николай Петрович неожиданно пришел на выручку несчастному президенту клуба.

– Лучше старшего тренера игроков никто знать не может, – сказал он. – Подождем Нилова – что он скажет.

К счастью, Нилов появился довольно скоро. Он несколько растерялся, увидев в кабинете такое серьезное собрание, но попытался сделать вид, будто ничего особенного в визите Козина не видит.

– Вот хорошо, что я вас лично повидал, Григорий Константинович! – деловито заговорил он, бесцеремонно усаживаясь в кресло напротив Козина. – Я насчет того, что будем делать. Вопрос с левым защитником решать надо. Понимаю, что время упущено и дозаявку мы сделать не можем. Но ведь можно найти другие подходы. Вот я и хотел с вами посоветоваться...

– Закрой рот и слушай меня внимательно! – перебил Козин, сверля его глазами. – Советоваться со своей бабой будешь, с какой стороны на кровать ложиться. Тебя наняли медали завоевывать, а ты, сучий потрох, команду угробил да еще имеешь наглость советоваться...

Нилов вспыхнул, потом побледнел и резко встал.

– Я не позволю с собой так разговаривать! – с неожиданным пафосом заявил он. – Я специалист высокого класса! Я всегда востребован. Плевать я хотел на ваш контракт! Я больше у вас не работаю! Все!

Он сделал движение, намереваясь идти к двери, но Козин остановил его повелительным движением руки.

– Сядь, специалист! Сядь, а то упадешь. Ты, наверное, плохо читал контракт, раз собираешься на него плевать. А контракт твой так хитро составлен, что, разорвав его сейчас, ты потом будешь расплачиваться с нами до могилы. Не веришь – спроси у Николая Петровича.

Николай Петрович кивнул в подтверждение. Он ведал юридическими вопросами в клубе и знал, что говорил. Пыл старшего тренера начал угасать прямо на глазах. Он ошалело огляделся по сторонам, увидел вокруг одни только каменные лица и, махнув рукой, уселся обратно в кресло.

– Какие медали! – горько сказал он. – Знаете же, что за выживание боремся, Григорий Константинович! Ребята выкладываются до конца, но все против нас...

– Вижу, как выкладываетесь! – саркастически сказал Козин. – Завтра еще одну баранку привезете?

– Бог даст, выиграем, – серьезно заявил Нилов. – Ребята злые, как черти, настроены на победу.

– Ладно, не парь мозги! – поморщился Козин. – Лучше скажи, кто мог твоего Жмыхова взорвать? У него какие-то заморочки были или это лично против меня направлено?

– Против вас вряд ли, Григорий Константинович! – подал голос агент Табачников. – Даю стопроцентную гарантию, что о наших переговорах с испанцами ни одна живая душа не знала. А просто так на такой шаг никто бы не пошел. Между нами говоря, не такое уж сокровище этот Жмыхов, чтобы его из игры выключать. И вообще, что это меняет? «Литий» при смерти – будем смотреть правде в глаза. Конкуренцию мы никому не составляем. Нет, я убежден – этого гада нужно на стороне искать.

– Слышишь, старшой? – Козин опять уставился на Нилова. – А ведь он верно мыслит. Причину в личных связях искать надо. С кем твой Жмыхов дружбу водил?

Старший тренер развел руками.

– Ничего подозрительного никогда не замечал! – с горячностью воскликнул он. – Платили Жмыхову всегда хорошо, квартирой, машиной обеспечен. Перспективы опять же неплохие имел... Никаких таких связей я за ним не замечал. Вот разве что по женской части... Ходок он, этот Жмыхов! Вполне возможно, кто-то ему таким образом отомстил. Из-за баб сами знаете, чего бывает...

– Не знаю! – отрезал Козин. – Только идиоты из-за баб друг друга уродуют. Выгляни в окошко – там этого добра... Ну, допустим, из-за баб. Но ты же это предполагаешь, а не знаешь точно.

– Не знаю, – буркнул Нилов. – Ушел после матча спокойно. Домой поехал. Переночевал, а утром...

– Что значит, ушел спокойно? – дернулся Козин. – А я слышал, там парни из «Авангарда» с ним разбираться хотели?

– Ну, было, – неохотно сказал Нилов. – В горячке чего не бывает? Рвались в раздевалку. Но мы пресекли в зародыше.

– Кто рвался конкретно? – спросил Козин, подавшись вперед.

Нилову стало не по себе. Он совсем не хотел прослыть в футбольном обществе людоедом.

– Григорий Константинович! Не могли игроки так с игроком поступить! – протестующе загудел он. – На поле да, на поле всякое бывает. Но чтобы игроки за игру мстили – так не бывает. Игроки «Авангарда» тут ни при чем!

– Это мне теперь решать, при чем они или ни при чем! – заявил Козин. – Фамилии давай! Адвокат!

Нилов скрепя сердце назвал Козину фамилию капитана «Авангарда», еще раз попытавшись убедить бизнесмена в нелепости его подозрений.

– Помалкивай в тряпочку! – посоветовал ему Козин. – Если хочешь, чтобы мы друзьями расстались. Ты из моих рук ешь. А когда я ем, я – что? Правильно, я глух и нем. Чего и тебе желаю... Теперь, значит, так... Николай Петрович, нужно подобрать надежных ребят – в самые кратчайшие сроки разобраться с этим Приходько. Не виноват, значит, не виноват. А виноват, значит, ответит. Занимайся этим!

– «Авангард» в Самару вылетел, Григорий Константинович, – сообщил Николай Петрович. – Нам ждать, пока вернется?

– Какой черт ждать! Немедленно туда! Взять его тепленьким – перед игрой. Он перед игрой сговорчивей будет.

– Приходько в Самару не едет, – подал голос Нилов. – Он красную получил. Дисквалифицирован на пять матчей. Значит, скорее всего, останется в Москве.

– Еще лучше, – подхватил Козин. – Этот факт проверить! Домашний адрес, база, любовница... Выяснить все сегодня же!

– Понял! – сказал Николай Петрович, мгновенно поднимаясь с места.

Едва он вышел, как поднялся и сам Козин.

– А мы все сейчас едем в больницу! – категорически заявил он. – Я хочу услышать, что сам Жмыхов по этому поводу скажет.

– Жмыхов плохой, Григорий Константинович! – торопливо заговорил Нилов. – К нему никого не пускают, и вообще, говорят, он в депрессии. Вроде как помешался...

– Ничего, у меня хорошее лекарство имеется! – подмигнул Козин. – Любого на ноги подымет. Короче, кончаем базар и вперед! Я не просто так свое время на вас трачу, мне результат нужен.

Они подъехали в больницу как раз в тот момент, когда в палатах закончился врачебный обход. Козин нисколько не смутился и здесь, к тому же у него оказался знакомый заведующий отделением. Правда, тот тоже попытался отговорить Козина от посещения футболиста, но бизнесмен на глазах у всех запихал врачу в нагрудный карман солидную купюру и как ни в чем не бывало заявил:

– Ты не дергайся! Нам только пять минут и нужно. Ты на пять минут можешь закрыть свои зоркие глаза? Вот и закрой, а мы тут сами разберемся.

Всей когортой они вломились в палату, где, уставив глаза в потолок, неподвижно лежал Жмыхов. Он был похож на восковую куклу, а на гостей никак не отреагировал. Такое начало

могло смутить любого, но только не Козина. Он махнул рукой, и слоноподобный охранник неизвестно откуда извлек бутылку дорогого коньяка и хрустальный стаканчик. Козин лично наполнил стакан и протянул его Жмыхову. Футболист и тут не шелохнулся. Его осунувшееся, подернувшееся серой щетиной лицо казалось маской, вырезанной из камня. Тусклые глаза смотрели мимо Козина.

Бизнесмен недовольно оглянулся. Но никто из его спутников не спешил ему на помощь. Все были необычно смущены. Даже гигант-охранник деликатно отвернулся. Тогда Козин решительно сунул ладонь под затылок футболиста, приподнял его голову и со словами: «Ну-ка, дерни, сынок! Это еще никому не повредило!» попытался влить коньяк в рот Жмыхова. Тот захлебнулся, закашлялся и мотнулся назад, едва не ударившись затылком о спинку кровати. Коньяк пролился на одеяло, оставив на нем бурые пятна. В комнате резко запахло выдержанным спиртом.

Козин нахмурился и, не глядя, сунул стакан охраннику.

– Еще! – грозно сказал он.

С полным стаканом он опять подступил к Жмыхову. Тот что-то промычал и отодвинулся к стенке.

– Он уже шевелится! – с энтузиазмом констатировал Козин и ткнул коньяк футболисту под нос. – Пей, скотина! Долго я буду тут вокруг тебя плясать?

В глазах Жмыхова отразился ужас. Он замотал головой, пытаясь таким образом выбить стакан из руки Козина. Но тот уже вошел в раж. Ухватив Жмыхова за волосы, он силой все-таки влил несколько капель коньяка ему в рот, а потом еще и вlepил ему хорошую пощечину на закуску.

Нилов ахнул и невольно рванулся на помощь своему игроку. Но охранник без звука преградил ему путь и одним движением плеча отшвырнул тренера в угол. После чего Груздин сочувственно взял Нилова под локоть и тихо сказал:

– Оставь, Сергей Сергеевич! Против лома нет приема. Скажи спасибо, что это не нас с тобой мордуют...

Обстановка в палате действительно образовалась тягостная. Несколько солидных, хорошо одетых мужчин молча и хмуро наблюдали, как плачет крепкий, лишенный комплексов спортсмен, давно прославившийся в своем кругу как самый беспощадный и надежный защитник.

А Жмыхов действительно плакал. Видеть слезы на этом сугубо мужском, поросшем щетиной лице было не только неприятно, но даже слегка страшно. Всем невольно сделалось не по себе. Всем, но только не Козину.

Он еще раз повторил маневр со стаканом и бутылкой, но на этот раз проделал все сам и по-отцовски присел на край кровати. Похлопав плачущего футболиста по плечу, Козин грубовато сказал:

– Ну-ну, что за дела – ты же мужик! Ты меня не узнал, что ли? Мы же тебя в Испанию хотели... Да ладно, чего теперь про это! Ну-ка, дунь еще дозу – сразу на душе легче станет. Давай-давай, залпом!

Ему все-таки удалось заставить Жмыхова выпить стаканчик коньяка. Тот, еще плохо понимая, что происходит, выпил спиртное как лекарство, тяжело задышал и откинулся на подушку. Все следили за ним с таким напряженным вниманием, будто от этого стаканчика коньяка и в самом деле зависела жизнь футболиста.

Однако удивительнее всего было то, что через несколько минут Жмыхов и в самом деле ожил. Лицо его обмякло, в глазах появился живой блеск. Опираясь на локти, он сел на кровати, утер рукавом пижамы слезы и посмотрел исподлобья на визитеров. В первую очередь его привлекла фигура тренера. Жмыхов остановил на нем взгляд и, кривя рот, хрипло сказал:

– Вот так вот, Нилыч! Доигрывай сезон без меня...

В голосе его опять прозвучало рыдание, и Козин торопливо наполнил стаканчик.

– На-ка, добавь! – заботливо сказал он, суя коньяк Жмыхову. – Добавь-добавь, обязательно! Видишь, как эта штука помогает? А для тебя это сейчас первое средство. Как жизнь налаживать – это дальше думать будем.

Жмыхов посмотрел на него более осмысленно, неуверенно принял стаканчик и опрокинул его в рот. Проглотив спиртное, он выдохнул, понюхал рукав и уселся поудобнее.

– Испания! – сказал он вдруг с горьким сарказмом. – В Испанию теперь без меня! Кому я теперь нужен? Хотя в Испании, хоть...

– Ты вот что, сынок! – доверительно наклонился к нему Козин. – Пока суд да дело, ты давай-ка помоги нам! Это горе – не только твое горе. Мы все, считай, теперь в шоке. А твоим врагам спускать нельзя ни в коем случае. Око за око – это еще в Библии сказано! Ты только назови, что за паскудники это с тобой проделали, а мы уж с ними сами разберемся. Так разберемся, что мокрое место одно останется!

Жмыхов уставился на него. Он уже был заметно пьян – видимо, до этого ему кололи какие-то успокаивающие препараты. На его лице отразилась напряженная мыслительная работа. Кажется, он не совсем понимал, чего от него хочет Козин.

– Чего я должен назвать? – спросил он.

Козин поморщился.

– Ну, футболисты! – с легкой досадой сказал он. – Без плана на игру ничего думать не хотят... Я говорю, назови, сынок, этих тварей, которые тебе под копыто бомбу подложили. Ты ведь знаешь, кто это сделал?

– Не знаю, – искренне сказал Жмыхов.

На лице Козина появилось разочарование.

– Как это не знаешь?! – воскликнул он. – Ты извини, это не иголку в задницу воткнуть! Не кнопку учителю под зад сунуть! Это называется тяжкие последствия для жизни и здоровья. Просто так такие штуки в машину не ставят. Не морочь мне голову и говори, кому ты так навредил?

– Да не знаю я, в натуре! – пьяным голосом сказал Жмыхов. – Для меня это подлянка вообще, можно сказать, сюрприз. Вот сволочи!.. Загубили карьеру! Испания!..

Он застонал, и злые слезы опять потекли из его глаз.

– Ну-ка, прекрати! – гаркнул на него Козин. – Нюни распустил, как баба! Мне говорили, ты в последнем матче сцепился с кем-то. Этот тебя не мог?

Жмыхов вытер глаза рукавом, поднял голову и впился взглядом в сердитое лицо Козина. Он будто что-то пытался вспомнить.

– Нет, он не мог! Это не он! – вдруг оживленно произнес Жмыхов. – Это точно не он! Он бы не успел. Да нет, откуда? Он после матча разбираться хотел, но нас растащили. А это бы он никак не успел!

– Что – это?!

– Тут вот чего было, – торопливо заговорил Жмыхов. – Я когда со стадиона уходил, ко мне пацан подвалил. Ну так, посторонний мальчишка... Конверт мне сунул. А в конверте красная карточка была и записка – типа, удаляю тебя навсегда с поля... Вот и удалил! Я тогда значения этому не придавал, а оно вон как получилось!

– Где записка? – резко спросил Козин.

– Выкинул.

– Дур-рак! – в сердцах сказал бизнесмен и встал.

Он прошелся вдоль кровати, напряженно о чем-то размышляя. Тренер Нилов пытался что-то сказать, но Козин остановил его властным движением руки.

– На шутку похоже, – заключил он наконец. – На розыгрыш.

– Хороши шутки! – плаксиво сказал Жмыхов.

– Я имею в виду, как исполнено, – строго пояснил Козин. – Если бы кто-то из серьезных людей это сделал, он бы записок тебе посылать не стал, а уж тем более эту, как ее?.. карточку! Серьезным людям такие понты ни к чему. Разве что для отвода глаз... – Тут он опять задумался, но потом решительно возразил сам себе: – Да нет, чего ему отводить, когда я и так не знаю, кто это мог сделать! В таких делах точность важна, а мне пока и подумать-то даже не на кого. В такой ситуации только идиот будет лезть на рожон... Послушай, сынок, может, ты кому-то раньше насолил? Ноги кому-то хорошо переломал или бабу увел у кого-нибудь? Тут были такие предположения. Я лично в это не верю, но каких только дураков не встретишь в этой жизни!

– Всяко бывало, – мрачно сказал Жмыхов, опуская голову. – Только что-то до сих пор руки-ноги целы были.

– Все бывает до поры, – назидательно произнес Козин. – Ну, ладно, не вешай нос! Вот придешь в себя – пристроим тебя куда-нибудь на хлебную должность, не бросим! А врагов твоих все равно найдем, не сомневайся! Как говорится, кто нас кинул, тот и двух дней не проживет.

– Григорий Константинович, так, может, Ставскому отбой дать? Какой смысл Приходько искать, если это не Приходько сделал?

Козин погрозил пальцем.

– Это вот он говорит, что не Приходько, – показал он на Жмыхова. – А с него взятки гладки – сказал и забыл. А мне важно ни одной ошибки не допустить. Я понимаю, что письмо кто-то заранее приготовил, но приготовил-то к этому матчу! А тут как нарочно на поле свара... Нет, проверить Приходько все равно нужно. Только предупредить Ставского про это письмо...

Он вытащил из кармана мобильник и с озабоченным лицом вышел из палаты, даже не оглянувшись на растерянного Жмыхова, сидящего в неудобной позе на казенной кровати.

Глава 4

– И что же вы по этому поводу думаете? – поинтересовался генерал Орлов, испытующе оглядываясь на Гурова и Крячко, которые сидели по правую руку от него.

Втроем они только что просматривали фрагменты записи последнего матча «Литий»—«Авангард». Кассету, скопированную с оригинала, принес генералу Гуров. Так что теперь Орлов был знаком со всеми острыми моментами встречи. Острыми не в смысле игрового противостояния, а в смысле противостояния отдельных игроков друг другу. Гуров сконцентрировал внимание генерала на стычках, которые происходили во время матча.

– Если откровенно, – подал голос полковник Крячко, – то я сам бы с удовольствием вырвал ноги этому Жмыхову. Смотрите, «Авангард» теперь уехал в Самару без Приходько и без Алонсо. Два ключевых игрока! Я за «Авангард» не болею, но ведь свинство! Вывел команду из строя...

– Хороша команда, если один паскудник может вывести ее из строя! – презрительно скринулся генерал. – И вообще, это не конструктивный разговор. Что значит, вырвал бы ноги? Все-таки не забывай, что ты не на трибуне стадиона «Динамо», а в кабинете начальника главка. Меня интересуют ваши соображения другого рода.

– Ну что, – сказал Гуров. – Учитывая тот факт, что чемпионат перевалил через экватор и обстановка в командах накаляется, можно предположить, что отомстил Жмыхову именно Приходько. Защитник его взбесил, конечно. Но меня смущает тот факт, что после матча Жмыхов получил письмо. Судя по реакции, письмо было неприятного содержания, и в нем вполне могла содержаться угроза. Вот только у Приходько вряд ли было время написать это письмо, найти мальчика, все ему объяснить... Ведь Приходько был удален за минуту до конца матча. Да и свою досаду он в какой-то степени выплеснул – видели, как он маханул Жмыхова по ребрам?

– Хорошо, я понял, – перебил его генерал. – Тогда кто?

– Это вопрос, – как-то даже сник Гуров. – В команде никто ничего о возможных врагах Жмыхова не знает. С тренером нам опять не удалось встретиться – похоже, он озабочен теперь прежде всего тем, чтобы обеспечить себе отходные пути после провального сезона. Но вообще все сходятся на том, что Жмыхов в жизни – человек простой, без затей, ничем, кроме футбола и красивой жизни, не интересующийся. В каких-то подозрительных знакомствах не замечен. Но все это нуждается, конечно, в проверке.

– А что сам Жмыхов?

– По-прежнему в депрессии. Реактивный психоз по-научному. Врачи категорически против свиданий.

– Ясно, – хмыкнул генерал. – Ясно, что дело темное. Похоже, придется класть его на полку, а?

– Об этом говорить рано, – сердито ответил Гуров. – Важно понять, кому было выгодно покушение на Жмыхова. Мотивы могли быть разные. Не обязательно это была месть. Возможно, кому-то было выгодно вывести Жмыхова из игры...

– Категорически не согласен! – вставил Крячко. – Кто будет вредить команде, которая и так болтается в самом низу таблицы?

– В нынешнем футболе, по-моему, не игра главное, – возразил Гуров. – Возможно, это как-то связано с предстоящим трудоустройством Жмыхова. Вот тут один деятель поговаривал, что Жмыхова собирается купить «Динамо»... Возможно, кому-то это не по вкусу.

– Возможно, – согласился генерал. – Но по тому, что вы мне тут наплели, складывается впечатление, что это все-таки месть.

– Мне тоже так кажется, – признался Гуров. – И мстил энтузиаст-одиночка. Стальная трубка, обыкновенный порох... Все сделано простенько, но с любовью... Чувствуется почерк крепкого дилетанта.

– Ты его как живого нарисовал, – усмехнулся генерал. – Может, имя назовешь?

– Попозже, – сказал Гуров. – Когда узнаю.

– Хорошо, а что же все-таки предполагаете делать, чтобы узнать?

– Пока хотим навестить господина Приходько, – ответил Гуров. – Как говорится, пусть будет выслушана и другая сторона. Он сейчас на тренировке с дублем. Мы созвонились с их базой. На базе «Лития» мы уже дважды побывали, теперь вот еще «Авангард» проверим. Пожалуй, к концу расследования я научусь отличать офсайд от инсайда.

– Хорошо бы, – сказал Орлов. – Потому что сегодня мне уже звонили из комитета по спорту и из футбольного союза. Выражают озабоченность. Ведь Жмыхова намеревались привлечь в сборную, а теперь вроде бы как и некого привлекать. Давят на меня так, будто я им должен найти нового защитника взамен. Так что пока в этой каше крутитесь, и подыщите для сборной нового защитника.

– Да нет уж! Это не наша грядка! – засмеялся Гуров. – Нам бы подрывника найти, и то хорошо. Так что мы, пожалуй, с Крячко двинем, а то как бы не опоздать. Не думаю, что второй состав сильно упирается на тренировке, да еще в отсутствие главного тренера.

– Вон видишь, как ты уже здорово разбираешься в футболе! – подмигнул генерал. – Еще немного, и мы тебя на пост главного тренера сборной предложим.

– Ну что же, наверное, в зарплате я выиграю, – подхватил Гуров. – Можно будет подумать.

Расставшись на такой оптимистической ноте с генералом, Гуров и Крячко поехали на загородную базу «Авангарда». Никаких особенных откровений они от дисквалифицированного капитана не ожидали, но нужно было с чего-то начинать. Приходько тоже мог что-то знать – возможно, даже больше, чем коллеги Жмыхова по команде. Так бывает сплошь и рядом, что враги знают о тебе больше, чем твои близкие.

Специально с Приходько Гуров не созванивался. Во-первых, он не знал его номера телефона, а во-вторых, хотел использовать фактор внезапности. Предложить, так сказать, капитану сюрприз.

Но случилось так, что сюрприз был преподнесен самому Гурову.

До базы оставалось, согласно дорожному указателю, не более километра. Нужно было свернуть с шоссе направо и ехать через березовую рощицу. И вот в конце этой березовой рощицы Гуров увидел стоящий на обочине в тени деревьев черный «Мерседес».

В этом не было ничего необычного, но Гурова замерший на дороге автомобиль насторожил. Он напомнил ему затаившегося в зарослях большого хищного зверя. Гуров немедленно поделился ощущением с другом.

– Вообще-то, когда я вижу дорожную машину, – сказал Крячко, – у меня сразу возникает желание проверить у водителя документы и поискать в багажнике оружие и какой-нибудь белый порошок. Это классовое чутье, Лева. Никуда нам от него не деться – так уж воспитаны. Ну а что касается этого – по-моему, пусть себе стоит. Может, он природой полюбоваться приехал? Может, душа у него тянется к прекрасному?

– Чего же он тогда из машины не выходит? – возразил Гуров. – Природой любоваться не через стекло надо. Караулит он здесь кого-то, Стас.

– Может, и так. Нам-то что?

– Наверное, ничего. Мы торопимся, – сказал Гуров. – И, похоже, народ начинает разезжаться. Вон кто-то уже летит...

Действительно, навстречу с бешеной скоростью промчалась какая-то легковая машина. Они даже не успели определить марку автомобиля. Заметили только цвет – светло-серый.

Больше никто навстречу им не попался, и через некоторое время Гуров остановил свой «Пежо» возле ворот спортивной базы. На вопрос, как бы повидать футболиста Приходько, охрана с некоторым удивлением сообщила, что Приходько только что выехал.

– Да он вам должен был встретиться! У него тачка такая серенькая, – объяснил охранник.

– Была такая, – разочарованно сказал Гуров. – А куда этот ваш Приходько рванул сломя голову?

– Позвонили ему – сказали, жена в аварию попала, – понизив голос, сообщил охранник. – Он к ней поехал. В «Склифе» она.

Гуров оглянулся на Крячко.

– Ну-ка, поехали! – сказал он странным голосом и напоследок опять обратился к охраннику. – Приходько кто о несчастье сообщил?

Тот пожал плечами.

– Просто сказал – позвонили, и бегом на выход. Ну, понятно, торопился человек. На нем лица не было. Жена-то у него – модель. Я ее видел пару раз – знойная женщина!

Простоватое лицо охранника расплылось в сладкой, но довольно неуместной ухмылке. Гуров только рукой махнул и бросился к машине. Крячко уже сидел на месте водителя и нетерпеливо выжимал педаль газа. Он, кажется, давно понял замысел Гурова и, чтобы не терять времени, занял его место за рулем.

Едва Гуров запрыгнул в машину, как Крячко тут же стартовал, и «Пежо» понесся обратно.

– Дай бог, чтобы я ошибся! – пробормотал Гуров, всматриваясь в зеленое облако березовой рощи у поворота дороги.

Очень скоро они были опять на том самом месте, где в тени деревьев стоял черный «Мерседес». Только теперь картина несколько изменилась. Кроме «Мерседеса», на обочине появилась еще серая «Тойота» – та самая, которую Гуров и Крячко встретили недавно на дороге. Дверцы ее были открыты, машина – пуста.

Это обстоятельство Гурову совсем не понравилось.

– Останови! – приказал он Крячко, но тот уже и сам давил на педаль тормоза.

Они выскочили из машины и бросились к «Тойоте». Ничего особенного они не увидели. Ни бурых пятен, ни стреляных гильз в салоне не было. Из замка торчал ключ с брелком в форме старинного будильника. Гуров и Крячко повернулись в сторону «Мерседеса».

Дверца черного лимузина отворилась, и оттуда не торопясь выбрался завидного телосложения человек в просторном светлом костюме и до блеска начищенных туфлях. Его широкое круглое лицо выражало полнейшее добродушие, но глаза смотрели внимательно и недоверчиво, и Гуров сразу понял, что внешность этого человека не более чем маска.

– Эй, ребята! – веселым, чуть хрипловатым голосом окликнул их этот симпатяга. – Ищете кого-то?

– Ищем, – твердо сказал Гуров, механически запоминая номер «Мерседеса». – Ищем футболиста по фамилии Приходько. Это его машина, а где он сам?

– Ну, ребята, вы даете! – покачал головой человек в светлом костюме. – Какие тут футболисты? Вы зря время теряете.

Крячко, который тем временем достал из «Тойоты» водительские документы и бегло их просмотрел, грубо сказал:

– Время мы с тобой теряем, говорун! Вот бумаги – все на имя Приходько. Так что не вешай нам на уши лапшу. Где футболист? Вы его тут поджидали? Для чего?

Добродушие слетело с лица здоровяка. Он неодобрительно покачал головой и сделал шаг по направлению к «Тойоте».

– Ребята, вы настырные, ну, как менты просто! – сказал он. – Сказано вам человеческим языком – уезжайте отсюда подобиру-поздорову! У человека живот схватило – пошел в кусты. Вам какое до того дело? И мои дела вас тоже не касаются. Все теперь ясно?

– Теперь все, – сказал Гуров. – Кроме одного – где Приходько?

Здоровяк был сильно удивлен.

– Ну ты достал, папаша! – с досадой пробормотал он и надвинулся на Гурова грудью, стараясь оттеснить его на дорогу. – Русского языка не понимаешь, лезешь не в свои дела... За такие дела знаешь, что бывает?

– Ошибку совершаете, молодой человек! – заметил Гуров спокойно. – Как вы правильно изволили угадать, мы с товарищем действительно из милиции. Не советую делать лишних телодвижений – чревато.

– Плевать мне – откуда вы! И ты меня не пугай! Это вы старушек на рынке можете пугать! А тут другой случай!

– Интересно, – благодушно произнес Гуров. – И что же это за случай такой?

Он мог позволить себе благодушествовать, несмотря на крайне вызывающее поведение молодого человека, потому что полковник Крячко успел незаметно проскользнуть тому за спину и, не мудрствуя, тюкнул его по голове кулаком. Эффект сказался незамедлительно – молодой человек, собиравшийся что-то сказать, остановился на полуслове, закатил глаза и стал наваливаться всей тушей на Гурова, который был вынужден подхватить его под мышки, чтобы не оказаться погребенным под непосильной тяжестью. На первый взгляд такой быстрый эффект мог показаться удивительным, но Гуров уже заметил, что в кулаке Крячко сжимал табельный пистолет Макарова, и это многое объясняло.

– А тебе не кажется, что ты где-то превысил сейчас свои полномочия? – сердито спросил он, пытаясь пристроить молодого человека на капоте собственной машины. – Он, между прочим, верно заметил – это не со старушками на рынке воевать. У таких людей, как правило, целая армия адвокатов на подхвате, и нервы они портить умеют.

– Но я должен тебе заметить, – ничуть не смутившись, ответил Крячко, – что таких бегемотов голым кулаком не выключишь. Ты хотел вернуться в главк в синяках? Или ты надеялся, что этот тип понимает русский язык? Он только требует, чтобы окружающие его понимали, а сам, по-моему, на это не способен. Давай-ка лучше, чем спорить, обезопасим это чудовище, а сами займемся делом.

– Пожалуй, ты прав, – неохотно согласился Гуров. – Нужно поскорее отыскать Приходько. Похоже, этот грубиян тут не один. А ты говорил, что «Мерседес» здесь застрял случайно!

– Я был не прав, – ответил Крячко, надевая на правую руку грубияна наручник и пристегивая ее к бамперу. – Но я быстро пересмотрел свои ошибочные взгляды, покался и даже предупредил вылазку врага.

– Все равно, надо было как-то поаккуратнее! – уже не так сердито сказал Гуров.

Он вытащил из замка зажигания свои ключи, потом немного подумал и то же самое проделал с ключами от «Мерседеса».

– Тише едешь – дальше будешь, – назидательно сказал он черному чудовищу и, обратившись к другу, добавил: – Нужно будет потом связаться с нашими, проверить этот номер. Но сейчас главное найти Приходько. Поскольку в машине его нет, то остается один вариант – роща. Давай-ка рассредоточимся. Если что увидишь – свистни.

– Свистну обязательно, – пообещал Крячко.

Они разошлись в стороны и углубились в рощу. Дул свежий ветерок, и как ни вслушивался Гуров, ничего, кроме ропота листьев над головой, он так и не услышал. Крячко вскоре пропал из виду, и у Гурова возникло ощущение, что он совершенно один в пустой роще и идет неизвестно куда, возможно, уже заблудившись. Ощущение было явственным, хотя Гуров

прекрасно знал, что роща тянется всего на каких-нибудь двести-триста метров и заблудиться в ней не сможет даже маленький ребенок.

Двести метров ему идти не пришлось. Он прошел максимум пятьдесят, и слева от него послышался свист. Гуров сразу же перешел на легкий бег и двинулся туда, откуда донесся условный сигнал.

Всего через полминуты он оказался на краю небольшой поляны, в центре которой возле одинокой березы разыгрывалась довольно странная сцена. Трое мужчин в хороших костюмах окружали дерево, к стволу которого был привязан еще один. Костюм на нем тоже был неплохой, импортный, но костюм этот был спортивный – ярко-красный, с черными полосами и затейливой символикой. Лицо этого человека также было красного цвета, под стать костюму. Позиция, в которой он оказался, видимо, сильно его возмущала. Кроме того, один из троицы крепко сжимал его рот широкой ладонью, не давая возможности крикнуть. Помимо этого, никаких знаков внимания пленнику не оказывалось. Трое его спутников напряженно вслушивались в шелест листьев, пытаясь сообразить, откуда донесся свист и что он мог означать.

Судя по всему, свистевшего они еще не видели. Не заметили они и Гурова, тихо подкрадывающегося с подветренной стороны. Он сумел подойти совсем близко, когда они спохватились.

Один из мужчин резко обернулся назад и сделал движение Гурову навстречу, но тут же затормозил, увидев направленный на него пистолет.

– Спокойно! – сказал Гуров. – Я не бандит, я из милиции. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. И уберите грязную лапу с лица этого человека. У меня есть подозрения, что вы не каждый день их моете.

Пистолет он достал сразу, чтобы предупредить возможные недоразумения. Вся эта троица явно имела отношение к «Мерседесу», и Гуров полагал, что вряд ли манеры этих людей лучше, чем у их товарища, отдохавшего сейчас возле бампера гуровского «Пежо».

Несмотря на предупреждение, люди из «Мерседеса» не сильно испугались. Правда, руку со рта Приходько (это был, разумеется, он) убрали, но зато все трое довольно решительно стали надвигаться на самого Гурова, сверля его при этом неласковыми взглядами.

Двое из этих троих чем-то и внешне напоминали того парня, о котором только что вспоминал Гуров. По-видимому, как и тот, эти двое тоже немалое время уделяли поддержанию физической формы и гораздо меньше заботились о своем духовном развитии, хотя следовало признать, что трусами они не были.

Третий же несколько отличался от прочих – он не имел атлетического телосложения, был бледноват, выглядел лет на десять старше, но при этом держался, пожалуй, даже увереннее своих мускулистых спутников. Из этого можно было безошибочно заключить, что именно он является в компании главным. Он и заговорил с Гуровым первым, причем в весьма вызывающем тоне.

– Послушайте, любезный! Вас никогда не учили не совать нос в чужие дела? – спросил он. – Всему есть свои границы. Даже делая скидку на вашу собачью профессию, не могу не выказать своего неудовольствия подобной бесцеремонностью...

– Кучеряво выражаешься! – вдруг прозвучал у него за спиной насмешливый голос. – Тебя, случайно, не из дипломатического корпуса вышибли за пьянку? Очень мудро поступили, между прочим. А теперь, если не хочешь получить пулю в зад, быстро закрой рот и развяжи пленника! А вы пока прилягте!

Крячко, появившийся внезапно из-за кустов, скалился во весь рот и помахивал пистолетом. Этот неприятный сюрприз произвел нужный эффект. Суровая троица оказалась в растерянности. Два пистолета даже для них было слишком.

Однако они еще не до конца признали поражение. Они хмуро вертели головами то направо, то налево, будто никак не могли пересчитать количество ментов, находившихся на

поляне. И человек, привязанный к дереву, тоже вращал головой как заведенный. Но его можно было понять – от исхода дискуссии зависела его судьба.

Поскольку никто не торопился выполнять его требование, полковник Крячко решил перейти от слов к делу и для пробы выстрелил. Правда, зад «дипломата» он пощадил и для начала послал пулю тому под ноги. Пуля взрыла землю в двух сантиметрах от каблука начищенного ботинка, и «дипломат» невольно подпрыгнул на месте. Товарищи посмотрели на него с каким-то странным любопытством, будто он сделал что-то крайне неприличное.

«Дипломат» смутился, и его пыл несколько поуменился. Он, правда, пытался еще раз показать характер, заявив Крячко, что тот поплатится за свое самоуправство, но после второго выстрела притих, побледнел и без слов направился к дереву.

Отвязав Приходько, он повернулся к своим безмолвствующим спутникам и сухо сказал им: «Ладно, пошли отсюда!»

Теперь пришел черед удивиться Гурову.

– Выражаясь твоим лексиконом, любезный, ты сейчас совсем некстати торопишься, – сказал он, подходя ближе. – У нас только-только завязалась беседа, а ты уже в кусты. Это даже неприлично, уважаемый. У нас накопилось к тебе столько вопросов... И потом, кажется, был приказ прилечь? Будем выполнять или опять придется тратить боеприпасы?

Поскольку Крячко тоже был рядом, а ухмылка на его загорелом лице сделалась еще веселее, «дипломат» решил не испытывать судьбу. Но лечь на грязную землю ему не улыбалось, он решил поторговаться.

– Что за дурость! Обязательно нужно показать свое превосходство! – проворчал он, становясь опять деловитым и самоуверенным. – Послушайте, господин милиционер, не знаю, какое ваше звание, давайте договоримся как цивилизованные люди! Для чего это кино – лечь, отжаться... Полагаю, что мы и в вертикальном положении сумеем найти общий язык.

– Что-то до сих пор это плохо получалось, – заметил Гуров. – Но я согласен попробовать. Только без глупостей. Если будете вилать, мы применим силу, потому что насчет вас у меня складывается очень неприятное мнение. Такое впечатление, что вы замешаны в похищении человека. Преступление очень серьезное, и последствия для вас могут быть тоже очень серьезными. Прошу учесть это.

– Да не было никакого похищения! – воскликнул «дипломат». – Никаких признаков. Просто нам было нужно побеседовать с этим человеком.

Гуров перевел взгляд на Приходько, который с угрюмым видом стоял в стороне.

– Что скажете, господин Приходько?

Тот вскинул голову.

– Вы меня знаете? – с надеждой спросил он. – А я что скажу? Это бандиты какие-то! Выманили меня с базы, на дороге тормознули и вот сюда...

– Ага! – сказал Гуров. – Значит, ваша жена не попала в аварию? Я так и подумал.

– Моя жена три дня назад уехала в Латвию! – с негодованием сказал Приходько. Лицо его при этом выглядело совсем по-детски, несмотря на модную небритость на щеках. – Я сам ее провожал. Но когда вам сообщают на мобильник о несчастье, особенно не задумываешься. Мне сказали – в «Склифе». Я и помчался. А вдруг, думаю, вернулась? А вдруг... Да мало ли что! Вот вы бы, например, остались спокойным, если бы вам так позвонили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.